

УДК 811.161.1'42:7.042.2:821.161.1-3*А.П.Чехов
ББК 81.411.2-5+83.3(2=411.2)52-3-44-8(А.П.Чехов)

В. И. Коваль¹,
Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины
vlad-kov@mail.ru

КОМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЧЁРТА В ЧЕХОВСКОМ ТЕКСТЕ: МИФОЛОГИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Содержание одного из рассказов А. П. Чехова («Беседа пьяного с трезвым чёртом») рассматривается в нескольких аспектах. Во-первых, выявляется закономерный характер образа черта, вступившего в откровенное общение с пьяным отставным чиновником Лахматовым; раскрывается внутренняя форма фразеологизма *напиться до чертиков* '(напиться) до крайней степени, очень сильно или очень много' с учетом сведений из сферы наркологии. Во-вторых, устанавливается соотносительность описания внешнего облика представителя «нечистой силы» с аналогичными сведениями из литературно-художественного текста и современными этнолингвистическими исследованиями. Кроме того, обращается внимание на описание основных функций черта в связи с изменениями в общественной жизни России конца XIX века и приобретением людьми ряда негативных, порочных качеств, затрудняющих осуществление представителями «нечистой силы» их вредоносной «деятельности». Описаны социальный статус, род занятий и моральные качества бывшего чиновника Лахматова, занимавшегося ранее продовольственным и денежным и вещевым снабжением армии. Обращено внимание на художественную «перекодировку» основных действующих лиц рассказа: с одной стороны, пьяный Лахматов «перемещен» из реальной обстановки в инобытие, где он беседует с чёртом; с другой стороны – мифологический персонаж, представитель потустороннего мира оказывается в реальной обстановке и «на равных» беседует с человеком, сидя с ним за одним столом. Подчеркнуто, что откровения нечистика относительно того, что многие из чертей «поступают в люди», дают основания говорить об обращении писателя к вопросу об условности, подвижности границы между «нечистой силой»

---

¹ Коваль Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь.

В. И. Коваль

и людьми, а в целом – к этической и философской проблеме сущности добра и зла.

Ключевые слова: образ чёрта, мифология, реальность, художественная деталь, языковые особенности

Введение

Рассказ А. П. Чехова «Беседа пьяного с трезвым чертом», как и другие его ранние произведения, характеризуется сочетанием лаконичности формы с глубиной содержания. Забавная, на первый взгляд, ситуация – общение в форме мирной беседы реального человека с фантастическим существом (чёртом) – настраивает читателя на развлекательное чтение. Но уже с первой строки своего рассказа автор ясно дает понять, с кем мы имеем дело. «Бывший чиновник интендантского управления» Лахматов, с одной стороны, размышляет о высоких категориях – о равенстве, братстве и свободе, а с другой стороны – он же, сидя у себя за столом, выпивает шестнадцатую рюмку. Очевидно, что у человека, выпившего подряд такое количество рюмок спиртного, нарушается адекватное восприятие действительности, и он перемещается в другую – иллюзорную, фантастическую – реальность. Именно вследствие этого перед Лахматовым предстал черт: *«Вдруг из-за лампы выглянул на него чёрт... Лахматов, увидев чёрта, несколько смутился, но потом, вспомнив, что зеленые черти имеют глупое обыкновение являться ко всем вообще подвыпившим людям, скоро успокоился»* [16, 338].

Очевидно, что в данном случае известное устойчивое словосочетание *напиться до чертиков* ‘(напиться) до крайней степени, очень сильно или очень много’ [4, 1475] наполняется конкретным содержанием: человек находится в такой степени опьянения, что у него возникают видения и галлюцинации. Чехов, будучи профессиональным врачом, четко указывает на симптоматику своего напившегося «до чертиков» персонажа, испытывающего *белую горячку* (лат. *Delirium tremens*). Образ чёрта, возникающего как реакция на алкогольное опьянение, вполне соотносится с описаниями в современных работах по психиатрии: «Белая горячка характеризуется галлюцинациями и бредовыми идеями, которые отличаются конкретностью, образностью и эмоциональной насыщенностью; изменениями аффекта, который крайне разнообразен и включает попеременно страх, недоумение, юмор» [1].

В завязке текста также уделяется внимание описанию внешности второго главного персонажа – чёрта, неожиданно и вполне закономерно возникшего перед пьяным Лахматовым. Если сведения

о внешности человека в чеховском рассказе практически отсутствуют, то описание внешнего вида чёрта не лишены подробностей, причем это описание рассчитано как на женское, так и на мужское восприятие.

Вначале автор доверительно обращается к читательницам, по-мужски успокаивая их и задавая одновременно вопрос, на который нелегко ответить: *«Но не пугайтесь, читательница. Вы знаете, что такое чёрт?»* [16, 338]. Тонкий чеховский юмор, учитывающий внимание женщин к деталям, включающий к тому же явную энантисемию, а также аллюзии образов мужа-рогоносца и щеголя-франта, представлен далее в следующем описании: *«Это молодой человек приятной наружности, с черной, как сапоги, рожей и с красными выразительными глазами. На голове у него, хотя он и не женат, рожки... Прическа à la Капуль»* [16, 338]. Завершающий фрагмент описания внешности чёрта ориентирован на читателей-мужчин и отличается лаконичностью, почти «протокольной» точностью и отсутствием какого-либо ироничного подтекста: *«Тело покрыто зеленой шерстью и пахнет псиной. Внизу спины болтается хвост, оканчивающийся стрелой... Вместо пальцев – когти, вместо ног – лошадиные копыта»* [16, 338].

В связи с приведенным описанием следует отметить, что, во-первых, чеховская трактовка внешности нечистика явно перекликается с описанием чёрта в гоголевской «Ночи перед Рождеством», которое так же не лишено иронической окраски: «Сзади <...> у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по ... небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чёрт». Исследователи творчества раннего А. П. Чехова неоднократно обращали внимание не только на отдельные «переключки» с произведениями Н. В. Гоголя, но и на влияние на Чехова гоголевского мировоззрения в целом (см.: [5]; [6]; [8]; [12], [479]).

Во-вторых, чеховское описание внешнего вида чёрта в общих чертах вполне соотносится с традиционными сведениями на этот счет, отраженными в современных исследованиях по мифологии и этнолингвистике. Сравн.: «Обычно это зоантропоморфное создание с рогами на голове, козлиной бородкой, хвостом, с когтями на пальцах рук и копытами на ногах» [2, 250]. По мнению Н. И. Толстого, смешанный зоантропоморфный облик чёрта является довольно поздним, что нашло отражение в изобразительном искусстве, «потому что сама форма этого искусства требовала каких-то внешних

признаков, отличающих облик животного или человека от облика черта» [14, 264].

Основная часть

Сюжет рассматриваемого рассказа, который можно охарактеризовать как «сценку, похожую на стоп-кадр, мгновенную зарисовку с натуры» [9, 12], составляет диалог между пьяным Лахматовым и рассудительным чёртом, вступившим в общение с бывшим чиновником, который, несмотря на свое состояние, задает чёрту вопросы «по существу». Средством создания юмора при этом служат не только какие-то частности, как, например, приведенный выше портрет чёрта, но и сам сюжет – невероятный и фантастический. Как отмечает Е. В. Сафонова, «в произведениях Чехова вызывают смех и сюжет, и характеры героев, и их портреты и речь» [12, 471]. Фантастика и реальность в этом рассказе поменялись местами: изрядно «перебравший» Лахматов попадает в «другое измерение», а черт, пришедший из потустороннего мира, оказывается в конкретном реальном пространстве – рядом с сидящим за столом Лахматовым. Обменявшись обычными этикетными фразами, демонстрирующими взаимную вежливость и воспитанность, человек и чёрт переходят к самой беседе. Чем же интересен чёрт оставшемуся коллежскому секретарю?

1. Каковы функции черта?

Лахматов задает чёрту ключевой вопрос, правдивый ответ на который позволяет в какой-то мере понять природу нечистика: *А чем вы занимаетесь?* Обратим внимание на невербальную ответную реакцию чёрта: во-первых, он «skonфузился», то есть смутился, что вполне понятно, поскольку «чёрт – это принципиальный противник всего благого, это чистое воплощение зла; другие стихийные боги (леший и водяной) могут делать зло, но могут и не делать, а чёрт не может – такова уж его натура» [3, 128]. Далее собеседник Лахматова продолжил: *«Собственно говоря, занятый у меня определенных нет», – ответил он, в смущении кашляя и сморкаясь в «Ребус»* [16, 338]. Эта деталь – использование чёртом вместо носового платка журнала «Ребус» (популярное еженедельное издание, пропагандировавшее спиритизм и нематериалистическое мировоззрение) – также, как можно предположить, была немаловажной для писателя, явно не разделявшего идеи, излагавшиеся в «Ребусе».

В произнесенной чёртом тираде отчетливо выделяется два временных плана – то, что было «прежде», и то, что есть «сейчас»: *«Прежде, действительно, у нас было занятие... Мы людей искушали... совращали их с пути добра на стезю зла... Теперь же это занятие,*

между нами говоря, и плевка не стоит... Пути добра нет уже, не с чего совращать» [16, 339]. Выходит, такими образом, что ситуация, которая была ранее, в наибольшей мере соответствовала основной функции чёрта: поскольку раньше было много праведных, порядочных людей, у чертей соответственно было много работы по их совращению «с пути добра на стезю зла». Сейчас же, по словам нечистика, это основное занятие чертей потеряло всякий смысл, поскольку «пути добра нет уже».

Деятельность чертей, по словам словоохотливого собеседника Лахматова, в конце XIX века затруднена еще и в силу того, что люди значительно изменились не в лучшую сторону: *«И к тому же люди стали хитрее нас... Извольте-ка вы искусить человека, когда он в университете все науки кончил, огонь, воду и медные трубы прошел! Как я могу учить вас украсть рубль, ежели вы уже без моей помощи тысячи цапнули?»* [16, 339]. Обратим внимание на употребление в данном контексте фразеологизма *пройти огонь, воду и медные трубы* ‘испытать, перенести в жизни многое, побывать в различных трудных положениях, переделках’ [15, 363] и в особенности на последнюю фразу *«вы уже без моей помощи тысячи цапнули»* [16, 339], в которой содержится скрытый намек на прежнюю деятельность Лахматова.

Статус главного героя определен в первой строке рассказа: мы узнаём, что он находится не у дел, поскольку является «бывшим» и «отставным». Коллежский секретарь – гражданский чин, который ко времени написания рассказа (1886 год) соответствовал армейскому чину поручика, и человек этого чина мог занимать в конце XIX века невысокую, но все же руководящую должность. Должность Лахматова – «бывший чиновник интендантского управления» – указывает на то, что до ухода в отставку он являлся *интендантом*, то есть лицом, занимавшимся снабжением армии вещевым, денежным и провиантским довольствием. При этом есть все основания считать, что, будучи интендантом, Лахматов основательно «погрел руки» на снабжении армии и в результате, по замечанию черта, «тысячи цапнул». В финальной части рассказа черт снова намекает на прежнюю «деятельность» Лахматова – экс-интенданта, который неоднократно «хапал»: *«Спасибо людям, научили нас взятки брать, а то бы давно уже мы переколели... Только и живем доходами... Поставляешь грешникам провизию, ну и... хапнешь...»* [16, 339].

Перечисляя более «безобидные» функции чертей (*искушаем классных дам, подталкиваем юнцов стихи писать, заставляем пьяных купцов бить зеркала*), нечистик вновь возвращается

к вышеупомянутому журналу («Многие из нас сотрудничают в "Ребусе"» [16, 339]), что опять-таки указывает на неприязнь Чехова к изданию, ориентированному на мистику, предсказания, шарады и «заумные» ребусы.

2. Где граница между добром и злом?

Если начальная часть откровений чёрта имеет в основном познавательно-развлекательный характер, то в заключение нечистик делает совершенно обескураживающее признание, имеющее философско-этическое измерение. Говоря об изменениях, происшедших в деятельности чертей под влиянием изменившихся не в их пользу обстоятельств, незваный гость неожиданно заявляет: *«Есть даже такие, которые бросили ад и поступили в люди... Эти отставные черти, поступившие в люди, женились на богатых купчихах и отлично теперь живут. Одни из них занимаются адвокатурой, другие издают газеты, вообще очень дельные и уважаемые люди!»* [16, 339].

В приведенном фрагменте нельзя не обратить внимание на конструкцию *«которые (черти. – В.К.) бросили ад и поступили в люди»* [16, 339]: можно *поступить в ученики, в школу, в университет*, но каким образом можно *поступить в люди?* Однако если черти могут легко «поступить в люди», то есть стать людьми, приобрести статус человека и более того – успешно жениться на богатых невестах и стать «дельными и уважаемыми людьми», значит, грань между нечистой силой и людьми, подавляющее большинство которых является христианами, зыбка и условна? Несложно в таком случае допустить и возможность обратного явления, при котором *люди «поступают» в чертей*. В таком случае неизбежен вопрос: что есть Добро и что есть Зло? Представляется, что именно этот вопрос – о сущности и взаимоотношении добра и зла – уже тогда, в начальном периоде творчества, беспокоил молодого писателя, задумывавшегося об устройстве и недостатках современного ему общества.

Совершенно справедливо утверждение, согласно которому «добро обладает божественной сущностью, зло имеет противоположную сущность и реализуется в мире через насилие» [7, 17], однако при этом закономерно возникает еще один немаловажный вопрос: каким образом разграничить эти две важнейшие этические категории? Уместно в связи со сказанным вспомнить слова молитвы, с которой иудейский царь Соломон обратился к Богу: «Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло» (3 Цар. 3: 9). В сфере народной духовной культуры «природные языческие божества

наделялись амбивалентными функциями: сравн. о.-сл. *Бог* как первоначальное обозначение существа, наделяющего долей, богатством и пол. *boginka* 'злой дух, вредящий роженице и младенцу'. Амбивалентными свойствами наделялись также «чистые» и «нечистые» животные. «Оптимистический» вариант такого двойственного отношения к добру и злу отражен в русской поговорке «*Нет худа без добра*» [15, 99]. Эпиграфом к роману М. А. Булгакова «*Мастер и Маргарита*» послужила цитата из «*Фауста*» Иоганна Гёте: «*Я часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо*». *Булгаковский Воланд – сатана, воплощение зла*, «которое необходимо для существования добра и вечной справедливости на земле (*Что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла?*)» [10].

Заключение

Построенный на занимательном сюжете рассказ А. П. Чехова «*Беседа пьяного с трезвым чертом*», прочитываемый в течение двух – трех минут, наделен глубоким внутренним содержанием. В небольшое текстовое пространство великий русский писатель смог включить значительное количество актуальных как для его времени, так и для сегодняшних дней вопросов: Каковы моральные запросы современников? В какой мере поступки людей соотносимы с добром и злом? Что есть добро и зло и каковы критерии их разграничения? На эти и другие «вечные» вопросы гениальный писатель не дает ответа: главное для него – поставить их перед обществом в надежде на то, что его современники и потомки попытаются на них ответить.

Литература

1. Андропов В. С. *Delirium tremens* (Белая горячка). URL: <http://nadezhdaclinic.ru/lechenie-zavisimostej/lechenie-alkogolizma/37-kodirovanie-alkogolizma-ozhireniya-tsns-kod-patologicheskoe-vlechenie-tuga> (дата обращения: 18.03.2020).
2. Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. *Черт* // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. Москва: Междунар. отн., 2014. С. 520.*
3. Богданович А. Е. *Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографический очерк. Гродно: Губернская типография, 1895. 187 с.*
4. *Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: «Норинт», 2000. 1536 с.*
5. Гладилин М. С. А. П. Чехов и творческое наследие Гоголя // *Дом Гоголя. Мемориальный музей [сайт]. URL: http://domgogolya.ru/science/researches/706/* (дата обращения: 22.03.2020).

6. Гордович К. Д. Чехов и Гоголь. Особенности игрового начала // Дом Гоголя. Мемориальный музей [сайт]. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/709/> (дата обращения: 23.03.2020).
7. Гречушкина Н. В. Добро и зло в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: аксиологические аспекты исторических образов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 15–19.
8. Громов М. П. Поэтика традиции (Чехов и Гоголь) // Антон Павлович Чехов [сайт]. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st018.shtml> (дата обращения: 23.03.2020).
9. Катаев В. Б. Чехов и его литературное окружение // Спутники Чехова. Под ред. В. Б. Катаева. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 5–47.
10. Карпунин В. А. Добро и зло // ВикиЧтение [сайт]. URL: <https://fil.wikireading.ru/16090> (дата обращения: 25.03.2020).
11. Литовченко М. В. Гоголевская традиция в раннем творчестве А. П. Чехова // Мир науки, культуры, образования. № 3 (76). 2019. С. 477–479.
12. Сафонова Е. В. Особенности поэтики комического в произведениях А. П. Чехова // Молодой учёный. 2013. № 5 (52). С. 471–474.
13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. Москва: Междунар. отн., 1999. 584 с.
14. Толстой, Н. И. Каков облик дьявольский? // Толстой Н. И. Язык и духовная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва: Индрик, 1995. С. 250–269.
15. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей. Под ред. А. И. Молоткова. Москва: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.
16. Чехов А. П. Беседа пьяного с трезвым чёртом // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 4. [Рассказы, юморески], 1885–1886. Москва: Наука, 1976. С. 338–339.

REFERENCES

1. Andropov V.S. Delirium tremens (Belaya goryachka). URL: <http://nadezhdaclinic.ru/lechenie-zavisimostej/lechenie-alkogolizma> (accessed 18.03.2020).
2. Berezovich Ye. L., Vinogradova L. N. Chert // Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh / Pod red. N. I. Tolstogo. Т. 2. М.: Mezhdunar. otn., 2014. Pp. 520.

3. Bogdanovich A. Ye. Perezhitki drevnego mirosozertsaniya u belorusov: Etnograficheskiy ocherk. Grodno: Gubernskaya tipografiya, 1895. 187 p.
4. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: «Norint», 2000. 1536 p.
5. Gladilin M. S. A. P. Chekhov i tvorcheskoye naslediyе Gogolya. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/706/> (accessed 22.03.2020).
6. Gordovich K. D. Chekhov i Gogol'. Osobennosti igrovogo nachala. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/709/> (accessed 23.03.2020).
7. Grechushkina N.V. Dobro i zlo v romane M. A. Sholokhova «Tikhiy Don»: aksiologicheskiye aspekty istoricheskikh obrazov // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 6 (72): v 3 ch. CH. 1. Pp. 15–19.
8. Gromov M. P. Poetika traditsii (Chekhov i Gogol') // Anton Pavlovich Chekhov [site]. URL: <https://www.google.by/search?source> (data obrashcheniya: 23.03.2020).
9. Katayev V. B. Chekhov i yego literaturnoye okruzheniye // Sputniki Chekhova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. Pp. 5–47.
10. Krivenkova I. A. Dobro i zlo. URL: <https://ege-study.ru/ru/ege/materialy/russkij-yazyk/dobro-i-zlo> (data obrashcheniya: 25.03.2020).
11. Litovchenko M.V. Gogolevskaya traditsiya v rannem tvorchestve A.P. Chekhova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 3 (76). 2019. Pp. 477–479.
12. Safonova Ye. V. Osobennosti poetiki komicheskogo v proizvedeniyakh A.P. Chekhova // Molodoy uchonyy. 2013. № 5 (52). Pp. 471–474.
13. Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh / Pod red. N. I. Tolstogo. T. 2. M.: Mezhdunar. otn., 1999. 584 p.
14. Tolstoy, N. I. Kakov oblik d'yavol'skiy? // Tolstoy N.I. YAzyk i dukhovnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike. M.: Indrik, 1995. Pp. 250–269.
15. Frazеologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Svyshe 4000 slovarnykh statey. Pod red. A.I. Molotkova. M.: Sov. Entsiklopediya, 1967. 543 p.
16. Chehov A. P. Beseda p'janogo s trezvym chjortom // Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. T. 4. [Rasskazy, jumoreski], 1885–1886. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 338–339.

COMIC IMAGE OF THE DEVIL IN CHEKHOV'S TEXT:
MYTHOLOGY AND REALITY

Vladimir I. Koval

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, General
and Slavic Linguistics;

Francisk Skorina Gomel State University
(Gomel, Republic of Belarus)

The content of A. P. Chekhov's story ("Conversation of a drunk with a sober devil") is considered in several aspects. Firstly, the regular nature of the image of a trait is revealed, which entered into frank communication with a drunk retired official Lakhmatov; manifests the internal form of phraseology *to get drunk to hell* '(get drunk) to an extreme degree, heavily or very much', taking into account the information from the field of narcology. Secondly, the correlative description of the representative of "evil spirits" external appearance with the similar information from the literary and artistic text and modern ethnolinguistic research is established. In addition, attention is drawn to the main functions description of the trait in connection with the changes in public life in Russia at the end of the 19th century as well as the acquisition by people of a number of negative, vicious qualities that make it difficult for the representatives of the "evil spirit" to perform their harmful "activities." The social status, occupation and moral qualities of a former official Lakhmatov, previously engaged in food and money and clothing supplies to the army.

The artistic "recoding" of the main characters in the story is considered: on the one hand, the drunk Lakhmatov is "moved" from the real situation to a different being, where he talks with the devil; on the other hand, a mythological character, a representative of the other world, is in a real situation and "on equal terms" talks with a person sitting at the same table with him. It is emphasized that the impurity's revelations regarding the fact that many of the devils "enter the people" give reason to talk about the writer's appeal to the conditionality, mobility of the border between "evil forces" and people, and in general to the ethical and philosophical problem of the essence of good and evil.

Keywords: image of a devil, mythology, reality, artistic detail, language features

Для цитирования: Коваль В. И. Комический образ чёрта в чеховском тексте: мифология и реальность // *Libri Magistri*. 2020. № 2 (12). С. 23–32.

Поступила в редакцию 16.04.2020